

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ БИОГРАФИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В КОНЦЕПЦИИ М.БАХТИНА

Голубович И.В.

Одесса

УДК 130.2:303.686 (045)

Для анализа многообразия форм биографического дискурса и его социокультурной обусловленности идеи Михаила Бахтина чрезвычайно плодотворны. **Цель настоящей публикации** – выявить методологические основания биографического дискурса в концепции выдающегося русского мыслителя и показать их значимость в контексте развития современной социальной философии и гуманитарного знания. Сам Бахтин тщательно изучил и глубоко продумал специфику, возможности и границы биографического жанра, причем не только как литературного. В его архивах обнаружены две тетради с подробными конспектами “Истории автобиографии” немецкого исследователя Г. Миша, ученика В. Дильтея [142]. М. Бахтин неоднократно ссылался на этот текст и часто даже неявно отсылал к нему.

Феномен биографии и стратегия ее осмысления могут быть продуманы сквозь призму фундаментальных оснований бахтинской концепции, суть которой мы передадим лишь фрагментарно в контексте нашей проблематики (опираясь, прежде всего, на раннюю работу М. Бахтина «К философии поступка» [2]).

1. Исследователь констатирует сложившийся в результате многовекового развития европейской культуры трагический разрыв между миром культуры и миром жизни, единственным миром, в котором мы творим, познаем, созерцаем, живем и умираем. Эта констатация, далеко не новая в эпоху шпенглеровского «заката Европы», не означает необходимости делать выбор между двумя мирами. Бахтиным ставится задача увидеть их в

единстве. «Акт нашей деятельности, нашего переживания, как двуликий Янус, глядит в разные стороны: в объективное единство культурной области и в неповторимую единственность переживаемой жизни, но нет единого и единственного плана, где оба лика взаимно себя определяли бы по отношению к одному-единственному единству [2].

2. М.Бахтин предпринимает попытку создать (воссоздать?) *онтологию* и архитектонику «единой единственной жизни», разработать адекватную этому видению *методологию*, которая становится методологией гуманитарного знания как такового, а также прописать *феноменологию* конкретного осуществления (проживания, переживания) жизни в ее уникальной единственности. Более того, формулируется необходимость иной, отличной от традиционной, *метафизики*, «первой философии» (курсив мой – И. Г.). Ею для Бахтина становится этика, она же – философия поступка. Эта исходная интенция проходит красной нитью через все его творчество, хотя и не везде она артикулирована так, как в ранней работе «К философии поступка». В представленной М. Бахтиным архитектонике биография оказывается тем пространством, неустранимой границей и конечным пределом, где разворачивается единая единственная жизнь. Статус «биографического целого» становится, как никогда, высок.

3. Единственная жизнь предстает у Бахтина как индивидуально-ответственный поступок, «сложный поступок», «сплошное поступление». Поступком становится все – мысль, переживание, чувство. Жизнь как поступок соединяет смысловое содержание и конкретную историчность свершения. М. Бахтин подчеркивает, что содержательно-смысловой стороне, взятой отвлеченно (теоретически), безразлично индивидуально-историческое: «автор, время, условия и нравственное единство его жизни». Это «безразличие» снимается в архитектонике индивидуального поступка, конкретная, «живая» историчность которого неотделима от биографического контекста. Мир в архитектонике поступка «дан мне с моего единственного места как конкретный и единственный», ...он «расположен вокруг меня как

единственного центра исхождения моего поступка: он находится мною, поскольку я исхожу из себя в моем поступке-видении, поступке-мысли, поступке-деле» [2]. Мой мир, конкретный и единственный, - это мир определенный биографическими координатами. Из этого мира моей единственности и причастности «как бы расходятся лучи, которые, проходя через время, утверждают человечество истории»[2]. Эта мысль М. Бахтина близка позиции К. Ясперса об «первоисторичности личности». Ее обоснование в работе «Истоки истории и ее цель» совпадает с бахтинским почти дословно: «из точки, где мы в безусловности своей ответственности и выбора своего места в мире, своего решения.., становимся бытием, пересекающим время в качестве историчности - из этой точки падают лучи света на историчность истории» [3, с. 278].

Архитектоника этого мира обусловлена «моей единственностью», и эта единственность смертного человека, специально подчеркивает М. Бахтин. «Только ценность смертного человека дает масштабы для пространственного и временного ряда: пространство уплотняется как возможный кругозор смертного человека, его возможное окружение, а время имеет ценностный вес и тяжесть как течение жизни смертного человека» [2]. Лишь в соотношении с этой безысходной единственностью смертного человека обретают свою тяжесть и нудительность общекультурные смыслы и ценности. Архитектоника действительной единственности – это и есть архитектоника события, события-бытия.

4. Философия поступка, как «prima philosophia», обращена к «бытию-событию», где только и может свершаться индивидуально-ответственный поступок. М. Бахтина интересует не мир, создаваемый поступком, а та область, где поступок свершается в своем должествовании, нудительности, участности. Эта область и есть – бытие-событие. «Первая философия», как ее видит исследователь, «не может строить общих понятий, положений и законов об этом мире..., но может быть только описанием, феноменологией этого мира поступка» [2]. Такая «феноменология мира поступка»

разворачивается в биографическом контексте, ведь по отношению к жизни-биографии у каждого из нас онтологическое «не-алиби». Бахтина интересует в этой связи «... мир собственных имен, этих предметов и определенных хронологических дат жизни. Пробное описание мира единственной жизни-поступка изнутри поступка на основе его не-алиби в бытии было бы самоотчетом-исповедью, индивидуальным и единственным» [2].

Исследуя отношение М. Бахтина к биографии как феномену культуры и как литературному жанру, мы опираемся на высказанное самим мыслителем убеждение в том, что «всякое литературное произведение внутренне, имманентно социологично . В нем скрещиваются живые социальные силы, каждый элемент его формы пронизан живыми социальными оценками» [4, с. 181]. Бахтин вводит понятие «внутренней социальности» [5, с. 340] и «социологической поэтики» [6]. (В. Л. Махлин называет концепцию Бахтина „социальной онтологией причастности” [7]).

Нам же данное указание позволяет рассматривать биографический/автобиографический дискурс в единстве социокультурного и литературного аспектов, на стыке жизни и письма. В рамках заявленной нами темы и решаемых в диссертации задач предпринимается прежде всего социально-философский анализ биографии. И у Бахтина мы находим своеобразное «алиби» в отношении нашей стратегии – почему мы обнаруживаем социокультурную составляющую в художественном произведении и почему мы обращаемся к преимущественно литературоведческим текстам. Согласно Бахтину, «даже чисто формальный анализ должен брать элемент художественной структуры как точку преломления живых социальных сил, как искусственный кристалл, грани которого построены и отшлифованы так, чтобы преломлять определенные лучи социальных оценок, и преломлять их под определенным углом» [4, с. 181]. Биография в этом отношении как раз и является синтетическим жанром и одновременно синтетической формой социокультурного бытия, где жизнь и повествование соединены неразрывно. Синтез жизни и

повествования обосновывается в концепции М.Бахтина через особое отношение к тексту, через ставшую популярной в XX веке семиотизацию культуры. Для исследователя текст (в широком смысле) является первичной данностью гуманитарного знания во всем многообразии его отдельных дисциплин. Одновременно он является «той непосредственной действительностью (действительностью мысли и переживаний), из которой только и могут исходить эти дисциплины» [9, с. 281]. И «двойная» перспектива по отношению к тексту, - прерогатива философского анализа, движущегося в пограничных сферах, на стыках и пересечениях, преодолевающего сугубо специальный (лингвистический, филологический, литературоведческий и т.д.) подход к тексту. В контексте этой фундаментальной методологической установки гуманитарного знания М.Бахтин рассматривает (либо подразумевает рассмотрение) биографических и исповедальных текстов культуры.

Еще одно обоснование необходимости социально-философского анализа биографии как феномена культуры мы обнаруживаем у М.Бахтина в рамках разработки им философии диалога. Он подчеркивает, что важнейшие акты, конституирующие самосознание, всегда диалогизированы и осуществляются на границе своего и чужого сознания, на пороге. Каждое внутреннее переживание встречается с другим, и в напряженной встрече – вся его сущность. В этом исследователь видит «высшую степень социальности» (не внешней, не вещной, а внутренней) [10, с.311]. Сущностным выражением «высшей социальности», являются биографические акты, которые обращены к другому сознанию. При этом адресат может быть и ближайшим, и «высшим наадресатом» [10, с. 305], абсолютно справедливое ответное понимание которого предполагается либо в метафизической дали, либо в далеком историческом времени («лазеечный адресат» - Бог, абсолютная истина, суд совести и истории и т.п.). Сам Бахтин пишет в этой связи об исповеди и исповедальном сознании, взыскующем и предвосхищающем другого. Ад предстает у него как трагедия абсолютной неуслышанности,

безответности. В контексте фундаментальной диалогичности культуры и высшей социальности корни биографии обнаруживаются, таким образом, в глубинах социальной онтологии, в устройстве и структуре самого «социального космоса» как «мирового симпозиума». А в рамках методологии гуманитаристики, как ее видел Бахтин, от исходного диалогизма исследование биографических и исповедальных актов движется к поиску «второго субъекта», воспроизводящего чужой текст, создающего обрамляющий текст (комментирующий, оценивающий, возражающий и т.п.) [9, с. 282]. Эта встреча двух текстов, готового и реагирующего, на рубеже двух сознаний, определяется мыслителем, во-многом заложившим основы парадигмы интертекстуальности, как «событие жизни текста».

Размышления М.Бахтина позволяют прояснить основания биографии творческой личности и интеллектуальной биографии (для их объединения введем рабочее наименование – «творческая биография»). Споры об этих основаниях не утихают, как минимум, со времен «Литературных портретов» Сент-Бёва. Каково соотношение творчества и жизни творца, мысли и жизни мыслителя; художника и человека, представляющих грани единой целостной личности? М.Бахтин констатирует наличие разрыва: «...когда человек в искусстве, его нет в жизни, и обратно. Нет между ними единства и взаимопроникновения внутреннего в единстве личности...» [8, с. 5]. Этот разрыв в данном контексте существует не только в искусстве, но и в науке и его наличие следует выявлять и в интеллектуальной биографии.

Гарантией внутренней связи элементов творческой (в широком смысле) личности для Бахтина является лишь единство ответственности, неотделимое от вины. «За то, что я пережил и понял в искусстве, я должен отвечать своей жизнью, чтобы все пережитое и понятое не осталось бездейственным в ней» [8, с. 5] . В чем видит М.Бахтин неустранимость вины из этой динамичной и проблемной связки «жизнь-творчество»? Творец должен помнить, что в пошлой прозе жизни виновато его творчество, а

«человек жизни» - что в бесплодности творчества виновата его нетребовательность и несерьезность его жизненных вопросов.

Таким образом, ответственность, вина, поступок являются основаниями творческой биографии, взятой как со стороны «bios»а (жизни), так и со стороны «-графии» (письма, нарратива), рефлексии биографа и реконструкции жизненного пути героя жизнеописания. Решается двойная задача, так как ее видел сам М.Бахтин. С одной стороны, на новый уровень выходит биографический дискурс. А с другой, - при исследовании искусства и науки благодаря введению биографического контекста, «жизненного эфира» единства свершения события преодолевается столь ненавистный мыслителю «теоретизм» и «гносеологизм». Возможно, эта задача и триединая, охватывающая *онтологию* культуры, *феноменологию* участного пребывания внутри культуры и *методологию* анализа культуры и связанного с ней гуманитарного знания (курсив мой И.Г).

Одна из важнейших проблем в трансдисциплинарном исследовательском поле жизнеописаний («биографических самоописаний») - проблема субъекта и автора, автора и героя, подчеркивают современные исследователи (См.: [11, с. 525]). Она ставится в различных ракурсах. Один из наиболее значащих для современного гуманитарного знания как раз и был представлен М. Бахтиным, прежде всего, в его „Авторе и герое в эстетической деятельности” [12]. И касается он не только эстетической деятельности, но и социокультурного бытия и творчества в целом. Мы будем ориентироваться именно на общекультурную составляющую бахтинской темы «автор и герой», соответствующую специфике гуманитарного знания и социально-философского анализа, по возможности отвлекаясь от проблем, специфических для литературоведения и эстетики.

Первое отвлечение-допущение, которое мы сделаем, - применим характеристику «единства завершенного целого произведения» к характеристике самой жизни. Какое методологическое право имеем мы на такое сопоставление? Как нам представляется, сам М.Бахтин через идею

ответственности и категорию поступка в определенном смысле сближает «художественное произведение» и жизнь. И через это сближение мы постараемся обосновать неизбежность и неустранимость актов самоописания, автобиографических актов из жизни, «жизненного единства», а, следовательно, онтологическую укорененность биографического акта в человеческом бытии, в истории и культуре.

М.Бахтин констатирует разрыв, пропасть между позицией героя и автора («субъект жизни и субъект эстетической, формирующей эту жизнь активности, принципиально не могут совпадать»[12, с.77]). Он утверждает, что изнутри героя невозможно завершающее единство целого произведения, лишь автор - носитель «напряженно-активного» единства целого героя и самого произведения, поскольку автор оказывается в позиции «внеаходимости» и «трангредиентен» произведению. М.Бахтин вписывает систему «автор-герой» в архитектуру произведения, текста, текста-жизни. Мы выделим лишь некоторые ее составляющие, необходимые для обоснования методологии биографического дискурса и анализа феномена биографии/автобиографии в культуре.

Герой – носитель открытого и изнутри себя не завершеного единства жизненного события, чреватого поступком. Открытость жизненного события парадоксально, на первый взгляд, обозначается М.Бахтиным как «безысходность». Он подчеркивает, что «исход» не имманентен жизни, а нисходит от Автора в его встречной активности [12, с. 71].

Автор - живой носитель единства завершения жизненного события, противостоящий герою. Он находится в позиции внеаходимости по отношению к герою - временной, ценностной и смысловой. М.Бахтин особо подчеркивает внеаходимость автора по отношению к событию смерти героя. Смерть, взятая в эстетическом измерении, – носитель завершения целого жизни. А память, взятая в том же эстетическом измерении, рассматривается как собирающая и завершающая жизнь героя сила, она задает возможность эстетической победы над смертью. Воспоминание о

жизни, «история жизни» - это борьба памяти со смертью. И как подчеркивает М.Бахтин, процесс оформления воспоминания есть процесс поминовения. «Тона реквиема звучат на протяжении всего жизненного пути воплощенного героя» [12, с. 115].

М.Бахтин подчеркивает, что позицию вненаходимости обрести очень трудно, она «завоевывается и часто борьба идет не на жизнь, а на смерть, особенно там, где герой автобиографичен» [12, с. 16]. Онтологическая позиция вненаходимости автора должна быть в гуманитарном исследовании четко продумана методологически. Данная проблема, артикулированная чаще как проблема дистанции автора биографии по отношению к своему герою – одна из важнейших для биографического дискурса. Об этом, в частности, пишет Ю.М.Лотман [13], говоря о фигуре автора-повествователя в биографии, точнее, внутри биографии (отличной от автора биографического произведения). У Лотмана – не сливаясь, а сложно соотносясь.

Герою – поле этического поступка, автору – поле эстетического созерцания (А в автобиографии – эти поля пересекаются, сложно накладываются друг на друга). Однако, М.Бахтин подчеркивает, что эстетическое созерцание и этический поступок не могут отвлечься от «конкретной единственности места в бытии», занимаемой субъектом этого действия и художественного созерцания[12, с. 23]. Так он продолжает линию размышлений о единстве жизни и творчества, творца и творения, явленного через единство ответственности. Здесь наряду с единством ответственности присутствует «конкретная единственность места в бытии», тот пространственный локус, где только и может реализовать себя ответственное поступание. Этическое и пространственное сливаются, проступает исходный смысл этического, где «этос» в греческом словоупотреблении – место пребывания, человеческое жилище. Мысль М.Бахтина в этом смысле созвучна современным размышлениям о неразрывной связи этического и пространственного, «этоса» и «топоса».

Герою – внутреннее самоощущение и одновременно – невозможность увидеть себя извне, как пишет М.Бахтин, «своеобразная пустота, призрачность и несколько жуткая одинокость»[12, с. 29] моего внешнего образа для меня самого. Автору – эмоционально-волевые реакции, «ценностно воспринимающие и устрояющие» внешнюю выраженность героя. В этом смысле М.Бахтин пишет о любовании, любви, нежности, жалости, вражде, ненависти. По его словам, эти реакции непосредственно к себе самому неприменимы. Неприменимы, не только этически, но и топологически (они могут быть направлены только «от меня в мир», также как эмоционально-волевая утвержденность моего образа может исходить только «из другого»). Принципиальная неравноценность и разнонаправленность я и другого обосновывается М.Бахтиным и с религиозно-христианской точки зрения: «нельзя любить себя, но должно любить другого, нельзя быть снисходительным к себе, но должно быть снисходительным к другому...»[12, с. 36]

В целом сама работа «Автор и герой в эстетической деятельности» содержит основания бахтинской концепции христианской антропологии и религиозной этики, в другой исторической и политической ситуации она могла бы иметь другое название. Эти христианско-антропологические основоположения мы обнаруживаем и в ранней бахтинской работе «К философии поступка». Недаром один из лучших теоретических трудов Иоанна Павла Второго «Личность и поступок» (1969)[14], написанный еще в бытность Кароля Войтылы преподавателем, а затем заведующим кафедры этики в Католическом университете Люблина, часто сопоставляется с позицией М.Бахтина. Причем сопоставляется именно на уровне концепции христианской антропологии (в частности, в комментариях Е.С.Твердисловой к указанному изданию). Однако это особая тема, которая нуждается в специальном рассмотрении.

Фиксирую собственные методологические затруднения при изучении отношения М.Бахтина к жанру биографии и биографической методологии.

Взгляд современного исследователя, уже «приученный» к феноменологическим, герменевтическим, экзистенциальным «вторжениям» в методологию биографического анализа (во многом, кстати, спровоцированным влиянием идей М.Бахтина, как в отечественной, российской, так и в западной гуманитаристике) вдруг «упирается» в достаточно критические и часто негативные оценки М.Бахтиным возможностей биографии и с ходу отторгает такие оценки. Однако следует помнить, что в современный ему период Бахтин имел дело с объективистско-позитивистскими и фрейдистскими образцами биографического жанра, а те «вторжения» в биографистику, о которых сказано выше, состоялись лишь ближе к концу 20-го столетия. М.Бахтин считал биографию «органическим продуктом органических эпох» [12, с. 142], связывая жанр с определенным историческим периодом. Он ставил биографический подход в один ряд с вульгарно-социологическим и причинным объяснением в духе естественных наук. Более того, в указанной позитивистской установке биографический анализ оказывался и в одном ряду с «деперсонифицированной историчностью» («историей без имен», на что указано в работе, написанной в 30-40-е гг. 20 века «К методологии гуманитарных наук» [15, с. 365]. В этом смысле не следует преувеличивать критического антибиографического пафоса М.Бахтина и распространять его на все возможные вариации жанра и метода. Более продуктивным, на наш взгляд, будет выявление в бахтинской концепции тех идей, которые способствовали становлению, условно говоря, «нового биографизма», современной биографической парадигмы. Которая стала трансдисциплинарной в том смысле, в котором сам Михаил Бахтин говорил об универсальности гуманитарного знания.

Литература

1. Misch G. Geschichte der Autobiographic. Bd. 1: Das Anertum. Druck und Verlag von V. G. Teubner, Leipzig-Berlin, 1907
2. Бахтин М.М. К философии поступка// Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-1985. – М., 1986. – С.80-160.

3. Ясперс К. Истоки истории и ее цель//Ясперс К. Смысл и назначение истории - М.: Политиздат, 1991- С. 28-288.
4. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского// Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.:Искусство, 1979. – С.181-187.
5. Бахтин М.М. Из записей 1970-1971 годов// Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 336-360
6. Турбин В.Н. У истоков социологической поэтики (М.М. Бахтин в полемике с формальной школой)//М.М.Бахтин как философ /С.С. Аверинцев, Ю.Н.Давыдов, В.Н.Турбин и др. – М.:Наука, 1992. – 256 с. – С.44-50
7. Махлин В.Л. «Из революции выходящий»: программа// Бахтинский сборник. – Ш. - М., 1997.
8. Бахтин М.М. Искусство и ответственность//Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.:Искусство, 1979.– С.5-6.
9. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных наук. Опыт философского анализа// Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 281-308.
- 10.Бахтин М.М. К переработке книги о Достоевском// Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 308-327.
- 11.Подшивалкина В.И. Методологические проблемы анализа биографических самоописаний//Філософські пошуки. – Вип.. XVII-XVIII. – Львів-Одеса: Cogito-центр Європи, 2004. – 740 с. – С.520-526.
- 12.Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности//Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.:Искусство, 1979. – С.7-181.
- 13.Лотман Ю.М. Биография – живое лицо// Новый мир. – 1985. - № 2.
- 14.Войтыла К. (Иоанн Павел II) Личность и поступок. Антропологическое исследование. – М.: Изд. Францисканцев, 2003. – 320 с.
- 15.Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук// Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 361-374.

Аннотации

Голубович І.В.

Методологічні основи біографічного дискурса в концепції М.Бахтина

Стаття присвячена аналізу методологічних основ біографічного дискурса в концепції відомого російського мислителя М.Бахтина. Особлива увага приділяється аналізу біографічного контексту у бахтинському варіанті „філософії вчинку” та „філософії діалогу”, а також у розробці М.Бахтиним проблематики „автор-герой”.

Ключові слова: біографічний дискурс, філософія вчинку, філософія діалогу, автор, герой, трансдисциплінарність гуманітарного знання.

Golubovych I.V.
Methodological Foundation of the Biographical Discourse (M.Bakhtin Conception)

The article is devoted to the investigation of the methodological foundation of the biographical discourse in the conception of the M.Bakhtin. The special attention is given to biographical context of the Bakhtin's "philosophy of dialogue", "philosophy of act" and problem of interaction "author-hero".

Key words: biography, biographical discourse, philosophy of dialogue, philosophy of act, trans-disciplinary character of Humanities.

Авторская справка

Голубович Инна Владимировна – кандидат философских наук,
докторант кафедры философии и основ общегуманитарного знания ОНУ им.
И.И. Мечникова

e-mail: innok04@mail.ru